

• УКРЕПЛЯЯ ЕДИНСТВО, ХРАНИМ ТРАДИЦИИ

ЛЕТ СПУСТЯ (часть 8). МИХАЛАЧКА

мужа. Но Лозиков был уроженцем деревни Жигули и, скорее всего, там и жил. Где они могли встретиться? Так бы я и терялась в догадках, если бы не подсказка ещё одного документа.

Совершенно не по этому поводу я пересматривала копии документов из Ишимского архива, касающиеся деятельности религиозной общины Ермаковской Николаевской церкви в двадцатые годы. И вот в наново переписанном по указке Советов Уставе Ермаковской церкви за июль 1926 года в списке прихожан, засвидетельствовавших этот Устав, среди фамилий Мельниковых был записан Лозиков Филипп. Тогда я и предположила, что встретиться с ним Ирина могла в Ермаках и, возможно, на службе в церкви, куда съезжались крестьяне из окрестных деревень, или на одном из престольных праздников. И там, увидев Ирину, он влюбился в неё без памяти, да так, что, наверно, ослушался воли родителей и женился на вдовушке с двумя детьми. Так ли это было или не так, сейчас не узнать ни от кого, но то, что после женитьбы он остался жить в Ермаках, подтверждает запись из этого списка. Женились они, напомню, в феврале 1925 года.

Но, повторюсь, это только мои предположения.

Возможно, что позже родители Филиппа примирились с его выбором, и он вернулся в родную деревню Жигули, уже с семьёй. Там у Филиппа с Ириной родятся две дочери – Екатерина и Лидия. Но об этом я узнаю много позже, когда разыщу на просторах Интернета нескольких родственников Ирины из рода Черняковых, и они, проникнувшись всей этой историей, станут помогать мне в сборе материалов.

Тогда же, в самом начале поиска сведений о Михалачке, зная о нём совсем немного, я думала, кто бы мог ещё его помнить и что-нибудь о нём рассказать?

Я вспомнила о Феодоре Даниловне Суздальевой, проживающей в Ермаках.

Феодора Даниловна, несмотря на очень преклонный возраст, обладает прекрасной памятью на людей и события давних времён. Я не раз обращалась к ней за помощью, и она охотно делилась своими воспоминаниями. Но в этот раз она могла мне особенно помочь. Феодора Даниловна могла знать Михалачку – она была его ровесницей! Они родились в одном году – 1923-м, и, как выяснилось, почти день в день: Михаил родился 21-го, а она – 23 июня.

Конечно, знать в раннем детстве она его не могла, потому что жили в разных деревнях, а вот каким он был юношей, она вспомнила. И рассказала о том времени, когда Михаил с матерью Ариной и двумя сёстрами появился в Ермаках.

– Это было перед войной. Я помню Арину и двух её девок. И Михаила помню. Он таким высоконьким был, худеньким. Ай, а кра-си-вень-ким был!.. Работал в колхозе нашим учёточком. Образованным был. Тогда ж никто не поставил бы неграмотного учёточком. Да, однако, недолго и поработал, в армию, наверно, ушёл, а может, и на войну, уже не помню. Больше я его не видела, – рассказывала Феодора Даниловна.

На мой вопрос, когда же всё-таки Арина с детьми появилась в Ермаках и где они поселились, ответила:

– А за два-три года перед войной, наверно, и переехала Арина из Жигулей в Ермаки. Мужика её, говорили, что убили, вот и вернулась она в Ермаки. А жить-то ей и негде, хоть родни было много. Вот помню, что взяла она коня да телегу в колхозе, да и поехала с Мишей в соседнюю деревню Муравинную хату куплять. Деревня тая разъезжаться стала, так Арина, видать, там за небольшие деньги и сторговалась, а мужа, и так ей хату отдали... Перевезли они эту ма-

1 Стрелкового батальона 380 ЗСП, 42-й зсбр.». В этом списке в строке под номером 91 Михалачка был записан как Мельников М.М. Там сообщалось, что он сержант, командир отделения, комсомолец, из «служащих», а за плечами у него семь классов образования. Дата призыва – март 1942 года. Но о месте призыва не сообщалось, как и о том, куда направлялась вторая маршевая рота, а вместе с ней и М.М. Мельников. Из документа было лишь известно, что согласно «Приказу № 257, седьмого октября 1942 г. рота убыла...»

Вот, пожалуй, это были и все сведения о Михаиле Михайлови-

внучками Елисея Дорощевича. Все они – Марина, Ольга и Людмила – оказались небезучастны к истории своего рода, тоже собирали информацию для родословного древа и многими сведениями со мной поделились. Я же рассказала им о нашем с ними родстве через Ирину Дорощевну. Всем им я бесконечно благодарна за совместные усилия непростых поисков сведений о судьбе Ирины и её детей.

Однако самую большую помощь в розыске потомков дочерей Ирины оказала Людмила Кушнир (Пихун). Она, проникнувшись моим рассказом о Михалачке, сделала почти невозмож-

графиях Михалачку – сына Михаила Харитоновича и Ирины Дорощевны Мельниковых...

На одном из снимков предомной предстали два симпатичных курсанта-учёта. Тот, что справа, высокий и кра-си-вень-кий (как сказала мне о нём Феодора Даниловна Суздальева) и был Михалачка – мой двоюродный дядя.

И чтобы уже не сомневаться в том, что это он и есть, я попросила Светлану Владимировну заглянуть на обратную сторону снимка – нет ли там надписи. И мне опять повезло: надпись была! Аккуратным, каллиграфическим почерком рукой Михалачки было написано (привожу дословно):

«На долую и вечную память своим родным: мамаше, сестрёнкам Екатерине и Лиде, и бабушке от Вашего сына и брата Михаила». А ниже сообщалась: «Фотографировался 25 мая 1941 г.»

Я рассматривала фотографию и перечитывала надпись. Я смотрела на него, Михалачку, и никак не могла насмотреться на этого ещё совсем молоденького, но такого серьёзного на вид парня. На снимке ему ещё нет и восемнадцати. Восемнадцать ему исполнится совсем скоро – 21 июня. А на следующий день, 22-го, начнётся война, которая оборвёт его жизнь на самом взлёте, как и жизни сотен тысяч таких же, как он, молодых ребят...

Но кроме огромной радости эта фотография задавала новые вопросы. Теперь уже было совсем непонятно, как искать его и где? На этом снимке Михалачка в форме курсанта лётного училища накануне войны, но какого училища? По предположениям форма на нём, скорее всего, соответствует форме училища гражданской авиации. Мечтал стать лётчиком Михалачка? Но где, в каком городе было то училище, курсантом которого он был в мае 1941-го?

Но вот весной этого года сайт «Память народа» начал радовать обновлениями – к юбилею Победы из Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) стали появляться новые сведения о фронтовиках. В одном из таких обновлений я, наконец, узнала о месте призыва Михаила Михайловича Мельникова. Он призывался на фронт в марте 1942 года Тюменским РВК, Омской области, из Тюменского района. Ещё в одном обновлении на том же сайте спустя некоторое время сообщалось, что в «Книгу памяти Саратовской области» в т.8 г. Энгельса на стр. 185 занесён «Мельников Михаил Михайлович, род. 1923 г., с.Ермаки, Викулов. р-н, Тюмен. обл. Сержант, ВВС. Пропал без вести 1945 г.». Книга вышла в свет в 1995 году.

Теперь становилось понятно, что поиски надо продолжить, и я отправила запросы в Тюменский РВК и Отдел Военного комиссариата по городу Энгельсу и Энгельскому району Саратовской области. Возможно, что там найдутся новые сведения о разыскиваемом командире отделения стрелкового полка, отправившегося на фронт в октябре 1942 года, и о лётчике, пропавшем без вести в 1945 году. Надеюсь, что из ответов этих ведомств мне станет яснее, как же всё-таки сложилась фронтовая судьба Михалачки. Помочь мне обещали.

(Продолжение следует)
Елена НОВИКОВА,
г. Санкт-Петербург

➤ Большая семья Арины. Курская область, конец 50-х гг. // Фото из архива автора

ленькую хатку, да и поставили её там, где потом был наш радиозузел. Знаешь ведь это место? Вот там и жили помаленьку.

че Мельникове, найденные на военном сайте к лету прошлого года. Сведения эти, однако, были противоречивыми: в сводке до-

ное. Людмила не просто отыскала, но и помогла мне наладить связь с внуками и правнучками дочерей Ирины Дорощевны.

➤ Я слушала рассказ тёти Феодоры и всё больше сопереживала Арине, и понимала, что ей, Арине, после гибели мужа некуда было больше бежать, кроме Ермаков, где были родные люди. К этому времени мне уже было известно, что Филипп Лозиков – муж Арины – был расстрелян 11 сентября 1937 года в Ишиме, как враг народа. (Он был посмертно реабилитирован 18 мая 1989 года).

Вполне возможно, что, получив об этом известие, Арина и бежала с детьми осенью тридцать седьмого в Ермаки. Время было непредсказуемое. Судьба и на этот раз была немилосердна к Арине – теперь она дважды вдова. Но надо было как-то выживать – на руках две маленькие дочки. И сынок Михалачка, которому шёл пятнадцатый год, остался в доме за мужика.

Так и стали они жить в Ермаках. Арина пошла работать в колхоз разнорабочей, а Михалачка стал учёточком. Колхоз назывался «Красный боец».

И всё бы потихоньку, наверно, у них наладилось, если бы не проклятая война. Война, поставившая под ружьё многих «красных бойцов» того колхоза. Не обошла эта участь и единственного сына Ирины Дорощевны...

Я продолжала поиски. О том, что Михалачка работал до войны учёточком в колхозе, сообщил ещё один документ, найденный на сайте «Память народа». Это был «Формулярный список на мл. начсостав и красноармейцев 2 маршевой роты

несений Викуловского РВК за 1948 год о потерях он был записан лётчиком, пропавшим без вести в декабре 1943 года, а в списке 2 маршевой роты – командиром отделения стрелкового полка. Поиски зашли в тупик.

Отложив на время военные сайты, я переключилась на поиски родственников матери Михаила и её дочерей. Мне очень хотелось узнать о том, как сложилась жизнь Ирины и, возможно, хоть что-нибудь услышать о Михалачке. На помощь пришёл Интернет: в социальных сетях родственники и отыскались.

О том, что братьев у Ирины было шестеро, мне было известно из метрических книг. В Ермаках в пору моего детства жили потомки одного из них – Елисея Дорощевича, внука которого мне посчастливилось отыскать. Сначала нашлась Марина Плюхина из Викулово, поведавшая многое не только о семье деда Елисея, но и в большом роде Черняковых. А позже я познакомилась с Ольгой и Людмилой Пихун из Казахстана – двоюродными сёстрами Марины и тоже